

ПЕЧАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Наталья Вдовина — о любви, которая не бывает счастливой, о репетициях «Ромео и Джульетты», о муже, о себе

Наталья Болотина,
Григорий Заславский

Рефлексия

НАТАША, когда ты впервые прочитала «Ромео и Джульетту»?

— В восьмом классе. В театральной студии я играла сеньору Капулетти.

— И какие у тебя остались воспоминания?

— Если серьезно, то никаких впечатлений пьеса у меня не оставила. Была красивая любовь, но это меня никак не трогало. Было так интересно, по-юношески только. Да, любовь. Да, красивая, хотелось в своей жизни такой красивой любви. Прошло время, я все забыла. А потом на первом курсе показывала какие-то отрывки из «Джульетты», но это было очень невзрачно. А потом мне и вовсе разонравилась пьеса.

— Что изменилось теперь? Тебе понравилась пьеса?

— Есть в этой пьесе любовь, которую в настоящее время немисливо встретить, — силу этого чувства. Для меня это вновь. И я для себя это так открывала: смогла бы я так любить, чтобы покончить жизнь самоубийством ради любимого человека? Для меня это все очень большие вопросы.

— А вам грустно, что вы уже прожили возраст Джульетты и с вами такой истории не случилось? Ну хотя бы похожей?

— Была похожая история, но трагической развязки не было. А если нет трагической развязки, то это уже не такая история.

— То есть вы считаете, что любовь такой силы может заканчиваться только трагически?

— Только. И больше никак. Раньше мне казалось, что это возможно совместить. Но, как многие философы на эту тему говорят, чувства такой силы не растворяются бесследно, финал может быть только трагический, и с этим я согласна.

— Только трагический? И такая история не может длиться на несколько дней больше?

— И на несколько дней больше, и на несколько лет больше, но финал у нее не может быть счастливым, не может быть ни детей, ни брака.

— А почему? Ведь люди настолько тянутся друг к другу, они мечтают создать семью? Они же мечтают обручиться. Почему-то для них самое главное не то, что они провели вместе ночь, не секс. Для них важно обручиться в монастыре.

— Важно, конечно, но продолжения у такого чувства быть не может. Можно сойти с ума. Ты считаешь, что такая история невозможна в наши дни? Люди разошлись бы, наверное. Не обязательно, чтоб они погибли, они бы разошлись.

— То есть в наши дни нет той трагичности?

— Ну, у разных людей по-разному. У одного такая эмоциональная природа, другие могут только разбежаться в разные стороны.

— А зрителю, который приходит в театр, нужна ли сегодня трагедия?

— Нужна, обязательно. Для очищения. Если кто-то потерял надежду, что есть на свете любовь, пускай хотя бы увидит, что на свете она есть, была и будет.

— Ну и уходит со спектакля какая-то пара. Он думает: «Вот меня так никто не любил». Она думает: «Вот и я никого так не люблю».

— А стремиться к этому? Стремиться к такому же чувству. Наверное, каждый человек хочет, чтобы его настигла такая любовь. Мне кажется, так. В этом счастье.

— Наташа, между Джульеттой и тобой дистанция в несколько веков. Легенда говорит, что вроде была такая девушка. Другая, не современная героиня...

— Как это другая? Нет, она была человеком. С такими же чувствами, которые случаются и у нас.

— Эпоха была другой...

— Ну и что?

— Другое восприятие мира.

— Как другое? Мне кажется, что было таким же — по каким-то коренным проблемам. По

Театральная звезда в эпоху телезвезд? Быть не может.

И все-таки может. Наталья Вдовина — кто знает, чем еще прославится? — сегодня она звезда, ставшая известной после первой своей большой роли, сыгранной к тому же на действительно малой Малой сцене театра «Сатирикон» в спектакле Петра Фоменко «Великолепный рогоносец». На той же сцене сыграла она и вторую свою роль — сестры Грегора Замзы — в спектакле Валерия Фокина «Превращение». И в том, и в другом ее партнером был Константин Райкин, который уже как режиссер сейчас заканчивает работу над «Ромео и Джульеттой». Вдовина репетирует Джульетту. Премьера — 1 декабря.

Вопросы мы задавали наперебой, сбивая с мысли друг друга, но, кажется, не саму Наталью Вдовину, покорившую нас обоих прежде всего своей полной неподготовленностью — у нее не было готовых ответов. В тексте мы постарались сохранить эту импровизационность. По размышлению не стали «делить» свои вопросы, посчитав это неважным.

Наталья Вдовина.

Фото Михаила Гутермана

чувствам. Умение любить, страдать — оно же осталось.

— А что говорит Константин Аркадьевич Райкин на репетициях?

— Он хочет сделать спектакль про любовь. Не война — это все прилегающие элементы. Только любовь. Если не будет силы такой, отчего люди в конце концов погибают, если не будет любви в таком проявлении, то ничего не получится. И делает это стержнем спектакля.

— Как раз с войной это получается очень современная история.

— Да, да. Именно так. А для Райкина главное — сила чувства, любовь двух людей, от которой они в конце погибают.

— Сегодня многие говорят о том, что в театре нужна трагедия. Такие разговоры редко возникают на пустом месте. Быть может, впервые стали говорить о трагическом молчании. Все заметили глаза Константина Райкина, когда он играет превращение Грегора Замзы — человека в насекомое. Говорили о ваших глазах в спектакле «Великолепный рогоносец» — это тоже было трагическое молчание. Трагедия, заполнявшая паузы между слов. И то же самое, хотя практически не замеченное, было в вашей игре в спектакле «Превращение». Насколько для вас важно это молчаливое страдание? И чувствуете ли вы себя трагической актрисой?

— Не знаю. Трагической... Я не чувствую себя трагической актрисой.

— А комедийной?

— Комедийной тоже не чувствую. Я просто... Не знаю, как сказать... У меня нет опыта большого. «Рогоносец» — это первая моя работа. Я не могу оценить себя со стороны, что я делаю как трагическая актриса. Я играю, как понимаю, как чув-

ствую. И я не знаю, хорошо это или плохо.

— Вы не видели запись спектакля?

— Мне не понравилось совершенно — это был «Рогоносец». По поводу трагических актеров — мне кажется, прежде эстетика была другая.

— Трагедия рождается в переломное время, такого перелома, как сегодня, человечество не знало. И сегодня любая трагедия, поставленная всерьез — не взять и быстро слепить «Гамлет» или «Грозу», — она обречена на успех... А кто играет Ромео?

— Александр Коручков. Актер из нашего театра. Он занят в «Бабочках».

— А можно ли его полюбить вот так?

— Да, можно. Но опять же как... Нужны какие-то манки. По-человечески мне очень приятен этот человек. Мы с ним сходимся в чем-то, в вере в Бога. Он тоже верит в Бога. У нас есть какие-то человеческие точки отсчета.

— Простите, а у вас муж есть?

— Да.

— А как он относится к тому, что вы на сцене кого-то так любите?

— Ревностно. Очень, очень ревностно. Это для него большая трагедия.

— Он тоже актер?

— Нет, он не актер. Он — юрист. Он очень ревнует меня.

— Он на репетициях был?

— Нет. Он даже в театр не ходит.

— И не видел вас на сцене?

— Очень давно. Он видел «Рогоносца» на премьере. А так не ходит.

— Ему понравилось, как вы играете?

— Мне трудно что-то сказать. У него очень болело сердце.

— Он переживал за вас?

— Да.

— А вообще... Я не могу себе представить, чтобы моя жена на

сцене вдруг взяла и разделась. Я бы переживал это смертельно. Я бы сказал: «Всё, уходи из этой профессии. Никому это не нужно».

— Да, именно так он говорит.

— Что же делать?

— Не знаю. Надо искать какие-то компромиссы. А как? Если бы я ушла из профессии... Я должна это сделать самостоятельно, чтоб никого потом не обвинять в этом. Сегодня я не готова это сделать. И это трудная, очень трудная тема для меня.

— Как тяжело, что в жизни все время приходится искать компромиссы. А «Ромео и Джульетта» состоит из такого насыщенного отсутствия компромиссов. Там на единицу площади сто отказов от самых разных компромиссов. И что было бы, если бы они пошли на какие-то компромиссы? Те ли это были бы Ромео и Джульетта, которыми мы восхищаемся?

— Наверное, нет. Я так думаю. Не знаю...

— А это хорошо, что жизнь настолько непохожа на то, что вы играете?

— Конечно.

— Вам это помогает в жизни? То, что на сцене вы уходите далеко-далеко от реальности?

— Очень даже помогает, да. Я окунаюсь в совершенно другую жизнь, с совершенно другими отношениями. Я нахожу какие-то положительные эмоции в этом. Какую бы трагедию я ни играла — «Великолепный рогоносец» или что-то другое, — после спектакля я чувствую себя счастливой, что я вот побывала этими людьми, сыграла вот такую историю... Мне это помогает, мне это необходимо для жизни.

— А в магазины тяжело потом ходить? Особенно, когда обхаживать могут?

— Нет. Я к этому стараюсь проще относиться, это проходит мимо меня. Ну и что? Ну это же бывает с каждым.

— Да, я видел, как вы не считаете деньги. Сдачу, которую дают. Никогда не считаете?

— Иногда считаю, когда большие деньги. Меня жизнь заставляет. Меня так муж учил, что так надо делать. Вообще в жизни я такой человек. Именно так отношусь.

— Наташа, а все же: какой будет ваша Джульетта? Какой вы ее видите?

— Не знаю. Правда, не знаю.

То, что с профессиональной стороны предлагает Райкин, мне нравится: от совершенно дерзкой девчонки до взрослой женщины. Мне кажется, так оно и было на самом деле. Я поняла, почему мне никогда не нравились ни эта пьеса, ни фильм. Это была просто красивая история, которую посмотрел: красиво! — и забыл тут же. Мне не хватало вот этого превращения. Действительно, после таких событий, после того, что с ней происходит, она должна стать взрослой женщиной за каких-то два-три дня.

А какими я вижу их... Мне кажется, что и у вас много знакомых — в жизни ведь встречаешь такую нераздельную любовь — их можно назвать Ромео и Джульеттой. Их на самом деле очень много в жизни. И я вижу их такими, какие они есть, ваши знакомые, мои знакомые, у которых вот так — не состоялась.

— А человек, когда влюбляется, он глупеет или умеет?

— Умеет и глупеет одновременно. Ну и, наверное, светлеет.

— Наташа, ваше любимое место в «Ромео и Джульетте»?

— Сцена на балконе.

— В Оксфордской библиотеке есть том Шекспира, где сцена на балконе буквально зачитана до дыр.

— Да, это я знаю. Мне нравится, как выстроил ее Райкин. Я читала ее много, много раз. Сложная по исполнению, она никогда не производила на меня впечатления — монологи какие-то. Но там есть то, чего мне сегодня не хватает — этой радости жизни, этой любви. Может быть, пройдет время, и понравятся какие-то другие сцены, но пока я в этом нахожу жизнь, очень нравится она. Я выхожу после этого очень заряженной эмоционально.

— Именно после этой сцены?

— Да. Это произошло буквально неделю назад, когда мы ее построили. Мне кажется, Райкин ее очень интересно построил. Тыфу, тыфу, тыфу... Вот.